

П. Е. ЩЕГОЛЕВ

**ИЗ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
ПУШКИНА**

*ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА

1931

ЛЕНИНГРАД

1

Первое известие о поэме Пушкина «Монах» появилось в печати шестьдесят пять лет тому назад, в статье В. П. Гаевского «Пушкин в лицее и лицейские его стихотворения». ² Сам лицейст и собиратель лицейской старины, Гаевский в своей работе широко воспользовался устными преданиями — рассказами лицейских товарищей Пушкина. Вот что он узнал от них о первых литературных опытах Пушкина: «По рассказам товарищей Пушкина, он в первые два года лицейской жизни ³ написал роман в прозе «Цыган» и вместе с М. А. Яковлевым комедию «Так водится на свете», предназначенную для домашнего театра. После этих опытов он начал комедию в стихах «Философ», о которой упоминает в записках, напечатанных в его биографии Анненковым, но, сочинив только два действия, охладел к своему труду и уничтожил написанное. ⁴ В то же время он сочинил, в подражание Баркову, поэму «Монах», которую также уничтожил, по совету одного из своих товарищей. Увлеченный успехом талантливого и остроумного произведения дяди, В. А. Пушкина, «Опасный сосед», которое ходило тогда в рукописи и с жадностью читалось и перечитывалось, племянник пустился в тот же род и кроме упомянутой поэмы написал «Тень Баркова» — балладу, известную по нескольким

¹ Первоначально в «Красном Архиве», кн. 31, и в сборнике Центр архива, «Горчаковский архив».

² «Современник», 1863, № 7, стр. 155, 157.

³ Первые два года лицейской жизни захватывают период с октября 1811 по октябрь 1813 г.

⁴ Речь идет об отрывках из лицейских записок, датированных точно 1815 г. (Сочинения Пушкина, редакция С. А. Венгерова, т. V, стр. 411). 10 декабря 1815 г. Пушкин записал: «Начал я комедию — не знаю, кончу ли ее». А 16 января 1816 г. товарищ Пушкина Илличевский писал своему другу Фусу: «Кстати о Пушкине: он пишет теперь комедию в 5 действиях, в стихах, под названием «Философ» (Я. Грот. «Пушкин и его лицейские товарищи и наставники». Изд. 2-е. СПб. 1899, стр. 67). Следовательно, приурочение комедии «Философ» к первому периоду лицейской жизни (1811—1813 гг.), сделанное Гаевским, является неверным. Не мешает отметить эту, одну из многих, неточностей Гаевского.

спискам... Все эти пять произведений, по отзывам товарищей поэта, сочинены в 1812, 1813 и не позже 1814 г...». ¹ И так по свидетельству Гаевского, поэма «Монах» написана — в подражание Баркову — в начальный период пребывания Пушкина в лицее, во всяком случае не позже 1814 г., и уничтожена по совету одного из товарищей.

Дальнейшие сообщения о «Монахе» идут от лицейского товарища Пушкина, князя А. М. Горчакова. Сам Горчаков ничего не записал ни о «Монахе», ни о Пушкине — он был слишком зановен и не мог спуститься до записей, а только «рассказывал» своим почтительным слушателям. Его рассказы записаны тремя слушателями — князем А. И. Урусовым, академиком Я. К. Гротом и редактором «Русской Старины» М. И. Семевским.

Князь Урусов посетил князя Горчакова 20 апреля 1871 г. и, вернувшись от него, тотчас же изложил его рассказ о Пушкине в письме к редактору «Русского Архива» П. И. Барте-неву. ² Семидесятидвухлетний старик, министр иностранных дел и государственный канцлер, только что получивший «светлейшего», Горчаков рассказал Урусову о том, что Пушкин вообще любил читать ему свои вещи и внимательно прислушивался к критическим замечаниям его, Горчакова, и принимал их к исполнению. Со слов Горчакова Урусов сообщил Барте-неву: «Пользуясь своим влиянием на Пушкина, князь Горчаков побудил его уничтожить одно произведение, «которое могло бы оставить пятно на его памяти». Пушкин написал, было, поэму «Монах». Князь Горчаков взял ее на прочтение и сжег, объявив автору, что это произведение недостойно его имени. Эстетическое развитие князя Горчакова, его любовь к искусству (он составил себе превосходную коллекцию картин, в числе которых, по отзыву знатоков, нет посредственностей) должны были дать ему значительный вес в глазах чуткого и восприимчивого поэта». И так, по Гаевскому, Пушкин послушался совета одного из своих товарищей и сам уничтожил поэму «Монах». По Горчакову, он сам, Горчаков, взял рукопись и сжег.

8 мая 1880 г. академик Я. К. Грот посетил князя Горчакова перед отъездом своим на открытие памятника Пушкину в Москве. Восьмидесятидвухлетний светлейший князь, уже перевернувший в это время самую темную страницу своей служебной карьеры (так он сам называл свою работу на Берлинском конгрессе), был не совсем здоров. Грот записал: «Он принял меня очень любезно, выразил сожаление, что не может быть на торжестве в честь своего товарища, и, прочитав на память большую часть послания его «Пускай, не знаясь с Аполлоном», распро-

¹ Гаевский из пяти названных им произведений Пушкина знал только одно: балладу «Тень Баркова». Из этой «неприличной» баллады Гаевский мог привести лишь несколько строк с рядом многоточий.

² П. И. Барте-нев напечатал отрывки из этого письма в 1883 году, на страницах «Русского Архива», т. II, стр. 205—206.

«странился о своих отношениях к Пушкину. Между прочим он говорил, что был для нашего поэта тем же, чем *la cuisinière de Molière* (кухарка Мольера) для славного комика, который ничего не выпускал в свет, не посоветовавшись с нею; что он, князь, когда-то помешал Пушкину напечатать дурную поэму, разорвав три песни ее...».¹ Новая версия: Горчаков разорвал три песни дурной поэмы и тем помешал Пушкину напечатать ее.

В 1881 г. (осенью) и в 1882 г. (весною) навещал Горчакова М. И. Семевский. В это время Горчаков, уже на 83-м году жизни, сложил служебное бремя и жил за границей, в Ницце. Семевский занес сейчас же по выслушании в свою записную книжку следующий рассказ Горчакова: «Славного лицеиста, нашего поэта Пушкина, я весьма любил и был взаимно им любим. С удовольствием вспоминаю, что имел на него некоторое влияние, о чем сужу по следующему случаю. Однажды, еще в лицее, он мне показал стихотворение довольно скабрёзного свойства. Я ему напрямки сказал, что оно недостойно его прекрасного таланта. Пушкин немедленно разорвал это стихотворение».² Речь, надо думать идет о том же «Монахе». Итак, третья версия: Пушкин, по совету Горчакова, сам разорвал свое стихотворение, им неодобренное.

Конечно, нельзя требовать точности от воспоминаний старца на восьмом десятке, даже если он государственный канцлер. Неважно, сжег или разорвал, но светлейший князь во всех трех версиях одно помнил твердо и одно утверждал категорически, что рукописи нет, что она уничтожена. А между тем рукопись неприличного «Монаха» вместе с другими автографами Пушкина и лицейскими реликвиями мирно хранилась в архиве Горчакова. Не стоит гадать на тему, говорил ли Горчаков эту неправду умышленно или по старческой забывчивости. Светлейший князь был человек необычайного тщеславия. Конечно, тщеславие побуждало его к рассказам о том, как Пушкин ценил его эстетические и критические замечания, чего в действительности и не было. А раз похвастав, что по его совету была уничтожена поэма Пушкина, как же можно было обнаружить наличие рукописи в собственном архиве!

Следующее, пятое по счету, сообщение о «Монахе» появилось в 1899 г. — в первом томе «Остафьевского архива князей Вяземских». Это пятое — в действительности первое хронологически известие о «Монахе»: 4 октября 1819 г. кн. П. А. Вяземский из Варшавы писал А. И. Тургеневу: «Сделай милость, скажи племяннику, чтобы он дал мне какого-то своего «Монаха» и «Вкруг я Стурдзы хожу» и все, что есть нового». Письмо

¹ Я. К. Грот, назв. работа, стр. 268.

² «Русская Старина» 1883, октябрь, стр. 164, в статье «Кн. А. М. Горчаков в его рассказах из прошлого». Статья подписана «М.-ской», но в оглавлении этого LI тома «Русской Старины» сказано: «записал и сообщил редактор», т. е. Семевский.

Вяземского привлекло внимание исследователей к «Монаху». В. И. Сантов, комментируя это письмо, высказался: «Под «Монахом», быть может, разумеется «Русалка», напечатанная впервые в издании 1826 г., или же поэма «Монах», которую Горчаков сжег — как произведение, недостойное имени Пушкина.¹ Но «Русалка» есть «Русалка», а «Монах» есть «Монах». Для предположительного отождествления «Русалки» с «Монахом» у Сантова не было никаких данных, но это предположение «обосновали» еще новыми предположениями. П. О. Морозов — «первоначально это стихотворение («Русалка»), может быть, называлось «Монах»² — и В. Е. Якушкин — «может быть, первоначально поэт даже так и назвал свою пьесу — «Монах», а потом изменил заглавие ради цензуры».³ Против этого «может быть» совершенно справедливо восстал Н. О. Лернер в своих рецензиях на второй том академического Пушкина: «Русалка» и «Монах» совсем не одно и то же.⁴ Действительный, но не высказанный мотив к замещению «Монаха» «Русалкой» в письмах Вяземского диктовался таким соображением: «Монах» — произведение раннего лицейского периода; «Русалка» — написана в 1819 г., а запрос Вяземского относится к 1819 г. Но решительно никакой неловкости нет, если мы пойдем слова Вяземского и так, как они написаны. Вяземский слышал о «Монахе», но ничего не знал о нем, а потому и запросил Тургенева. В изданной переписке Вяземского с Тургеньевым не находим никакого ответа Тургенева на запрос Вяземского от 4 октября, но пробелов в переписке нет. По получении письма Вяземского, Тургенев писал ему 15 и 22 октября и 22-го сообщил ему: «Пушкин переписал для тебя Стансы на Свободу, но я боюсь и за него и за себя посылать их к тебе».⁵ О «Монахе» ни слова, да Пушкин и ничего не мог сделать, так как рукопись была взята Горчаковым. Тургенев не отождествлял «Монаха» с «Русалкой», а о «Русалке», написанной в 1819 г., он писал Вяземскому много лет спустя, в 1824 г., 7 января: «Читал ли ты «Русалку»? Если нет, то пришлю, старая пьеса, прелестная...».⁶ Это сообщение Тургенева, ускользнувшее от внимания исследователей, должно было бы удержать их от неосновательного отождествления «Монаха» с «Русалкой».

В 1908 г. Н. О. Лернер еще раз перебрал всю литературу о «Монахе» в специальной заметке,⁷ еще раз категорически

¹ Остафьевский архив князей Вяземских, т. I, СПб. 1899, стр. 323 и 646.

² В издании сочинений Пушкина, ред. С. А. Венгерова, т. I, стр. 566—567.

³ Сочинения Пушкина. Изд. Академии Наук, т. II, СПб. 1905 стр. 80.

⁴ «Бюле», 1906, № 6, стр. 304—305; «Русск. Арх.», 1906, № 8, стр. 603—604.

⁵ Остафьевский архив, т. I, СПб. 1899, стр. 335.

⁶ Остафьевский архив, т. III, СПб. 1899, стр. 3.

⁷ Пушкин. Сочинения. Ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 538.

высказался за раздельное существование «Русалки» и «Монаха» и сделал важное фактическое дополнение: «По некоторым известиям, «Монах» сохранился до наших дней, и владеющее рукописью лицо держит ее под спудом». Это прикровенное сообщение Н. О. Лернер разъяснил только после появления в печати известий о находке пушкинских рукописей в архиве Горчаковых. «Я знал, что поэма «Монах» хранится у «светлейших князей» Горчаковых, потомков канцлера, в их доме на Большой Монетной улице, и сделал попытку познакомиться с нею через посредство историка Н. Д. Чечулина, бывшего в дружеских сношениях с Горчаковыми. Чечулин, по моей просьбе, говорил с владельцем рукописи, но кн. Горчаков ответил, что не может исполнить мое желание, хотя и вполне сочувствует ему, потому что связан распоряжением деда, запретившего показывать рукопись кому бы то ни было из «посторонних». Мне было сообщено, что рукопись не может быть показана мне, но и никому никогда не будет показана. Так же не удалась и попытка, предпринятая потом покойным Б. Л. Модзалевским». ¹ Да, трудненько было вести дело с «светлейшими». И мне пришлось через того же Чечулина ходатайствовать о сообщении мне автографов посланий Пушкина к Горчакову: Чечулин любезно сообщил мне, что автографы имеются, но показаны быть не могут. Выходили, одно за другим, издания сочинений Пушкина, где печатались по неисправным спискам послания поэта к Горчакову; государственный канцлер любил декламировать их, но не снизошел к просьбам издателей и исследователей, хотя между ними были даже и воспитанники того лица, который был окружен ореолом в воспоминаниях всех лицейстов — не соблаговолил даже показать, только показать эти рукописи.

2

Перед нами — три тетрадочки, три песни («три песни дурной поэмы разорвал Горчаков» — так записал Грот). Каждая тетрадка, в четвертушку писчего листа серой с синеватым оттенком бумаги, сшита цветной шелковинкой. Исправлений почти нет, немногие из них сделаны самим Пушкиным. Экземпляр, перебеленный начисто и — надо думать — поднесенный автором своему другу. Среди пушкинских автографов Горчаковского архива имеется и еще один подносный, нарядный автограф «Послания к Батюшкову»: на нем полностью Пушкин прописал «Александру Михайловичу Горчакову». Палеографические особенности рукописи, водяные знаки (1813 г.) не

¹ «Красная Газета», вечерний выпуск, четверг, 22 ноября 1928 г., № 322, заметка: «Монах» Пушкина. Для полноты обзора литературы отметим, что рассказы Горчакова повторены в статье Н. А. Гастфрейнда в книге «Товарищи Пушкина по императорскому царскосельскому лицей», т. I, СПб. 1912 г. Здесь дан биографический очерк Горчакова.

имеют большого значения, ибо они свидетельствуют лишь о том, раньше какого срока рукопись не могла быть переписана набело. А для суждения о том, когда поэма была написана, придется обратиться к иным доказательствам. Можно было бы сослаться и на приведенные Гаевским рассказы лицейских товарищей Пушкина, которые относили «Монаха» к первым двум годам лицейской жизни Пушкина и никак не позже 1814 г. Показания Гаевского не всегда точны, но это хронологическое приурочение «Монаха» к раннему лицейскому периоду следует принять, ибо оно подтверждается наблюдениями над почерком, детски красивым и неустойчивым, над языком, еще связанным архаизмами, над стихом, еще неуклюжим, над стилем, еще не дающим автору. В 1815 г. Пушкин так уже не писал. Одно достоинство следует отметить в произведении 13—14-летнего автора: совершенство композиции всей поэмы. Остановимся сейчас еще на некоторых соображениях, заставляющих относить «Монаха» к 1814—1813 г., но не дающих возможности уточнить датировку.

Источники творческого воображения, создававшего «Монаха», сводятся к трем группам впечатлений. Первая группа дана чтением и изучением литературных образцов; вторая — созерцанием картин, которые Пушкин видел на стенах дворцовых покоев, и гравюр, которыми была так богата французская книга XVIII века, и, наконец, третья возникла из непосредственных возбуждений реальной действительности. Несклько слов о действительности, питавшей эротику 13—14-летнего мальчика, воспитанника закрытого учебного заведения, которое казалось ему монастырем. Чувственные вожеления, давшие реальную основу эротике «Монаха», шли от сцены домашнего театра графа Варфоломея Васильевича Толстого. 2 сентября 1815 года лицейский товарищ Пушкина Илличевский писал из Царского Села своему другу Фусу в Петербург: «Описать ли тебе, как я провожу время? — Наше Царское Село в летние дни есть Петербург в миниатюре. И у нас есть вечерние гулянья, в саду музыка и песни, иногда театры. Всем этим обязаны мы графу Толстому, богатому и любящему удовольствия человеку. По знакомству с хозяином и мы имеем вход в его спектакли — ты можешь понять, что это наше первое и почти единственное удовольствие». ¹ По словам Гаевского, «лицейсты вместе с другими посетителями засматривались на первую любовницу доморощенной труппы Наталью, которая однако же была плохую актрисою». ² Вот этой-то Натальей и была уяз-

¹ К. Я. Грот. Пушкинский лицей (1811—1817). СПб 1911, стр. 50. Любопытно, что при публикации этого письма в книге Я. К. Грота «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники» в дату письма вкралась опечатка: вместо 1815 г. поставлен 1816. Так с 1816 годом письмо это и вошло в исследовательскую литературу!

² «Современник», 1863, № 7, стр. 139.

влена чувственность 13 — 14-летнего поэта. Яркую характеристику эротического увлечения Пушкина крепостной актрисой дает его «Послание к Наталье», появившееся в печати в полной редакции только в 1905 г. Подросток-поэт еще далек от физиологической близости к женщине и не на яву, а только в воображении дерзает пламенной рукой ласкать белоснежную полну грудь и только во сне видит с собой милую в легком одеянии, — «робко, сладостно дыханье, белой груди колебанье, снег затмившей белизной». Автор послания не без некоторого стыда и сам сознается, что он впервые чувствует себя влюбленным.

Миловидной жрицы Таьи,
Видел прелести Натальи,
И уж в сердце — Купидон.
Так, Наталья, признаюся,
Я тобою полонен,
В первый раз еще (стыжуся)
В женски прелести влюблен...

Автобиографичность этого призвания в первой влюбленности не достаточно, пожалуй, даже совсем не оценена. К сожалению, мы не можем сделать хронологического приурочения. Мы не знаем даты возникновения театра Толстого; из письма Илличевского нам уже известно, что летом 1815 г. театр играл. Играл ли он в 1812, 1813 г., когда лицеисты начали его посещать, на это указаний пока не находим. Хронологию «Послания к Наталье», печатающегося под 1814 г., нельзя считать установленной. Единственным основанием является категорическое утверждение Гаевского: «Пушкин написал в 1814 г. на чатанные [Анненковым. П. Ш.] в отделе стихотворений неизвестных годов посланья «К Наталье» и «К молодой актрисе».¹ Но мы, к сожалению, не знаем, чем руководился Гаевский при датировке: собственными домыслами, представляющимися ему бесспорными, или определенными фактическими указаниями. Кроме того для нас ясно, что послания «К Наталье» и «К молодой актрисе» должны быть разделены значительным промежутком, а они и печатаются-то рядом: если первое относится к началу увлечения, то второе, понятно, к позднему моменту, моменту охлаждения. Да, кроме того, и по формальным достижениям второе послание стоит настолько выше первого, что говорить об одновременности их создания не приходится.

«Послание к Наталье» заканчивается саморекомендацией автора предмету своей страсти, не имеющему представления о том, кто этот нежный Целадон.

— Да кто же ты, болтун влюбленный?

— Взглянь на стены возвышенны,

¹ «Современник», 1863, № 7, стр. 139.

Где безмолвья вечный мрак,
Взглянь на окна загражденные,
На лампы там зажженны...
Знай, Наталья, — я монах.

Заключительная строка приводит нас к поэме «Монах». Лицей — монастырь, лицеист — монах; он подвержен искушениям плоти, и «Послание к Наталье» является в известной мере рассказом об искушениях, в которые ввергал лицеиста-монаха образ Натальи, тревоживший и сон и воображение. Поэма «Монах» дает рассказ об искушениях плоти, которые выпадают на долю придуманного автором монаха. В известной мере поэт объективирует впечатления собственных искушений, вызванных образом Натальи. Он и создается простодушным в своем увлечении, называет по имени Наталью. Она есть эротическое бродило в творческом процессе создания «Монаха». Поэт жалеет, что он не владеет кистью художника, иначе он

Представил бы все прелести Натальи,
На полну грудь спустил бы прядь волос,
Вкруг головы венок душистых роз,
Вкруг милых ног одежду резвой Тальи,
Стан обхватил Кириды б пояс злат.

Любопытно, что, выбирая своему монаху искушение и располагая в литературных образцах целым арсеналом разнообразнейших искушений, Пушкин в процессе объективации собственных переживаний остановился на одном виде — на искушении частью женского туалета. Не женский образ привиделся монаху, а юбка — сладострастная черточка, характерная для подростка.

Огню любви единственная преграда,
Любовника сладчайшая награда
И прелестей единственный покров,
О, юбка, речь к тебе я обращаю,
Строки сии тебе я посвящаю,
Олушеви перо мое, любовь.

И от этого обращения переход к действительности:

Люблю тебя, о, юбка дорогая,
Когда, меня под вечер ожидая,
Наталья, сняв парчевый сарафан,
Тобою лишь окружит тонкий стан...
Что может быть тогда тебя милее,
И ты, вивась вокруг прекрасных ног,
Струи ручьев прозрачнее, светлее,
Касаешься тех мест, где юный бог
Покоится меж розой и лилеей.

А в «Послании к Наталье» —

Скромный мрак безмолвной ночи...
Я один в беседке с нею.
Вижу... девственну лицею,
Трепещу, томлюсь, немею...

Эротика «Монаха» легко сближается с эротикой «Послания к Наталье», и эта близость дает повод к заключению, что и то и другое произведения писаны приблизительно в одно и то же время. Что написано раньше, послание или поэма? Если счастье автобиографическим момент ожидания Натальи, описанный в поэме, то хронологически первенство надо отдать «Монаху». Но вслед за волной чувственности, залившей строки послания и поэмы, пришла «первая любовь». В программе записок Пушкин пометил только «первая любовь», а в отрывках из лицейских записок под 29 ноября 1815 г. находим подробную запись. Пошли яные песни, бесконечно далекие от признаний Целадона перед Натальей и его вожделений:

Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался,

Отрадой тихую, восторгом ушивался...

И где веселья быстрый день?

Промчался летом сновиденья,

Увяла прелесть наслажденья,

И снова вокруг меня угрюмой скуки тень

«Я счастлив был!». Нет, я вчера не был счастлив: поутру я мучился ожиданием, с неописанным волнением стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу, — ее не видно было! Наконец, я потерял надежду; вдруг нечаянно встречаюсь с нею на лестнице, — сладкая минута!

Как она мила была! Как черное платье пристало к милой Бакувиной!

Но я не видел ее 18 часов — ах!

Какое положение, какая мука! Но я был счастлив пять минут.

Можно без опасения ошибки принять утверждение Гаевского о хронологии «Монаха» — не дальше 14-го года, но нет, в сущности, препятствий отодвинуть поэму к 1813 году.

3

Приурочение «Монаха» к начальному периоду лицейской жизни можно подкрепить и еще одним соображением. Из литературных источников, оказавших влияние на создание «Монаха», на первом месте надо поставить, понятно, Вольтера, а огромное воздействие Вольтера на Пушкина приходится именно на ранний период лицейского творчества: в это время он не имеет соперников, и только позже начинается влияние и других иностранных писателей.

О вольтерианстве Пушкина не стоит распространяться. Тема давно поставлена и достаточно освещена. Вопрос специальный — о «Монахе» и его возможных иностранных источниках — во всех подробностях разобран в статье Б. В. Томашевского.¹ Здесь мы коснемся только общих линий. Из всех

¹ Горчаковский архив. Издание Центрархива.

произведений Вольтера наибольшее обаяние производила на Пушкина поэма «Орлеанская девственница» — «произведение самое возмутительное и нечестивейшее», по отзыву врагов Вольтера, «книжка славная, золотая, незабвенная, катехизис остроумия», по отзыву Пушкина. В 1818 году отъезжавшему в чужие края Н. И. Кривцову Пушкин подарил экземпляр «Девственницы» — «святую библию Харит». О ней писал Пушкин:

Амур нашел ее в Цитере,
В архиве шалости младой:
По ней молись своей Венере
Благочестивою душой.

Под влиянием Вольтера, его «Девственницы», Пушкин пробовал написать поэму «Бова». В ней читаем следующее обращение к Вольтеру:

О Вольтер, о муж единственный!
Ты, которого во Франции
Почитали богом неким,
В Риме — дьяволом, антихристом,
Обезьяною в Саксонии,
Ты, который на Радищева
Кинул было взор с улыбкою, —
Будь теперь моею музою.

Поэма «Монах» приносит нам свидетельство Пушкина о том, чем был для него Вольтер. И в «Монахе» литературным образцом для Пушкина был Вольтер и его «Девственница». Необходимо остановиться на вступлении к «Монаху», содержащем обращение к Вольтеру и... к Баркову.

Певец любви, фернейский старичок,
К тебе, Вольтер, я ныне обращаюсь!
Куда, скажи, девался твой смычок,
Которым я в «Жан д'Арке» восхищаюсь?
Где кисть твоя? Скажи, ужели век
Их ни один не найдет человек?
Вольтер! Султан французского Парнасса,
Я не хочу седлать коня Пегаса,
Я не хочу из муз наделать дам,
Но дай лишь мне твою золотую лиру
Я буду с ней всему известен миру...
Ты хмуришься и говоришь: не дам.

Так же, как и в «Бове», Пушкин горит одним желанием — творить по Вольтеру, взяв в образец его поэму об «Орлеанской девственнице». До такой степени горит желанием, что сейчас же начинает подражать «Девственнице». Вслед за только что приведенными стихами идет обращение к Баркову, но обращение это отнюдь не надо принимать по существу. Барков замещает только Шаплену в «Девственнице», бездарного и грубого автора скучнейшей, правовернейшей поэмы об «Орлеанской деве». Вольтер обращается к Шаплену:

O Chapelain, toi dont le violon,
De discordante et gothique mémoire,
Sous un archet maudit par Apollon
D'un ton si dur a raclé son histoire;
Vieux Chapelain, pour l'honneur de ton art,
Tu voudra bien me prêter ton génie:
Je n'en veux point; c'est pour Lamotte-Haudart
Quand l'Iliade est par lui travestie.

Приведем сделанный Пушкиным в 1825 г. перевод этих стихов «Девственницы», не совсем близкий к подлиннику:

О ты, певец сей чудотворной девы,
Седой певец, чьи хриплые напевы,
Нестройный ум и чудотворный вкус
В былые дни бесили нежных муз!
Хотел бы ты, о, стихотворец хилый,
Почтить меня скрипичею своею,
Да не хочу. Отдай ее, мой милый,
Кому-нибудь из модных рифмачей.

Издаваясь над Шапленом, Вольтер вводит в свою поэму шуточно злое обращение к своему конкуренту. Выдерживая тон подражания, Пушкин, после восторженно почтительного обращения к Вольтеру, противопоставляет Вольтеру Баркова. Сопоставим два обращения: Вольтера к Шаплену и Пушкина к Баркову в «Монахе»:

А ты, поэт, проклятый Аполлоном,
Испачкавший простенки кабаков,
Под Геликон упавший в грязь с Вильоном,¹
Не можешь ли ты мне помочь, Барков?
С усмешкою даешь ты мне скрипицу,
Сулишь вино и музу пол-девиду —
Последуй лишь примеру моему.

Но как Вольтер от предложения Шаплена, так и Пушкин решительно отказывается от Баркова:

Нет, нет, Барков! Скрипицы не возьму.
Я стану петь, что в голову придется.
Пусть какнибудь стих за стихом польется.

Барков не был для Пушкина тем, чем Шаплен был для Вольтера, и выдвижение Баркова не имеет ценности в сравнительно-литературном аспекте. Но отказ от Баркова в «Монахе» не единичен, не нов. В «Городке», написанном в 1814 году, Пушкин категорически отвергает возможность подражания Баркову: перебирая авторов, запретные произведения которых наполнили потаенную сафьяновую тетрадь, Пушкин останавливается на Баркове (в этих стихах Свистов обозначает Баркова):

---

¹ Вильон вряд ли был известен Пушкину, но помнят, очевидно, ради рифмы: Аполлон — Вильон.

Но назову ль детину,
 Что доброю порой
 Тетради половину
 Наполнил лишь собой?
 О ты, высот Парнасса
 Боярин небольшой,
 Но пылкого Пегаса
 Наездник удалой!
 Намаранные оды,
 Убранство чердаков,
 Гласят из рода в роды:
 Велик, велик... Свистов!
 Твой дар ценить умею,
 Хоть, право, не знаток;
 Но здесь тебе не смею
 Хвалы сплетать венки:
 Свистовским должно слогом
 Свистова воспевать...
 Но убирайся с богом!
 Как ты, — — — — ,
 Не стану я писать.

Пушкин и Барков — тема, еще не поставленная в литературе. Речь идет, понятно, не о Баркове — Академии Наук переводчике, а о Баркове — отце барковщины, авторе порнографической стихотворной литературы, до сих пор не дождавшейся печати. Историки литературы брезгливо обходили этот род литературы, а в известной мере он заслуживает внимания, как весьма влиятельный, ибо уж очень большим распространением пользовался. Кажется, только один С. А. Венгеров пробовал разобраться в барковщине, но сквернословие, которым, действительно, уснащены произведения Баркова, раздавило исследователя. «Подавляющее большинство из того, что им написано в нецензурном роде, состоит из самого грубого кабацкого сквернословия, где вся соль заключается в том, что всякая вещь называется по имени. Барков с первых слов выпаливает весь немногочисленный арсенал неприличных выражений и, конечно, дальше ему уже остается только повторяться. Для незнакомых с грязною музою Баркова следует прибавить, что в стихах его, лишенных всякого оттенка грации и шаловливости, нет также того почти патологического элемента, который составляет сущность произведений знаменитого маркиза де-Сад... В Европе есть порнографы в десять раз более его безнравственные и вредные, но такого сквернослова нет ни одного». ¹ Но, кроме сквернословия, следовало бы отметить в Баркове простонародный юмор, реалистическую манеру и крепкий язык. В той борьбе, которая шла в литературе против высокого штиля, Баркову тоже надо отвести маленькое место. Пушкин не стал учеником Баркова: помимо его собственного отказа от подражаний Баркову, можно сослаться и на

¹ С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб. 1891, т. II, стр. 152—153.

то, что барковщины, как сквернословной струи, вообще в произведениях Пушкина нет. От крепкого слова, которое встречается у Пушкина, нельзя восходить к термину барковщины. Кажется, в лицейской жизни Пушкина был период барковского уклона. Недаром лицеисты в одной «национальной» песне пели про Пушкина:

А наш Француз
Свой хвалит вкус
И матерщину порет...

Можно было бы с барковским периодом лицей связать «Тень Баркова», балладу, свидетельство о которой, исходящее от Гаевского, мы привели выше. Любопытно, что и тот автор представляет Баркова призывать к подражаниям ему, Баркову, и предлагать свою скрипку, свой смычок.

...Изю всех певцов
Никто так . . . . .
Хвалы мне их не нужны.
Лишь от тебя услуги жду —
Пиши в часы досужны!
Возьми задорный мой гудок,
Играй, как ни попало!
Вот звонки струны, вот смычок,
Ума в тебе не мало.
Не пой лишь так, как пел Бобров,
Ни Шадикова тоном,
Шихматов, Палицын, Хвостов
Прокляты Аполлоном.
И что за нужда подражать
Бессмысленным портам?
Последуй ты . . . . .
Мои благим советам.
И будешь из певцов певец,
Клянусь . . . . .!
Ни чорт, ни девка, ни чернец
Не вздремлют над тобой.

Впрочем, герой баллады «Тень Баркова» — поп; ирония в том, что именно попу Барков предлагает петь барковским слогом. ¹

¹ Любопытна судьба «Тени Баркова» в пушкинской литературе. Статья Гаевского с отрывками баллады появилась в 1863 году. Ближайшее издание сочинений Пушкина вышло в 1870 году. Редактор его, Г. Н. Геннади, напечатал отрывки в примечаниях к первому тому. Вслед за этим изданием вышло в 1880 году издание, редактированное П. А. Ефремовым (первое, им редактированное). Здесь Ефремов ввел «Тень Баркова» в текст под 1814 годом (т. I, стр. 55—57), но в следующем, втором своем издании, вышедшем в 1882 году, он исключил «Тень Баркова». Мотивы исключения изложены им дважды: в 1903 году в статье «Минный Пушкин» («Новое Время» 2 августа 1903 г., № 9845) и несколько иначе в примечаниях к пятому, им редактированному и изданному А. С. Сувориным, изданию сочинений Пушкина (т. VIII, СПб. 1905, стр. 18). Ефремов передает, что когда он сообщил Гаевскому о принадлежности «Тени Баркова» другому автору, не Пушкину, Гаевский сам уже «встретил его отказом от своего прежнего предположения».

«Монаха» Гаевский, на основании отзывов товарищей, назвал поэмой, сочиненной в подражание Баркову, но и свидетельство самого Пушкина, и поверхностное даже знакомство с «Монахом» не позволяют нам принять этой неверной характеристики. Отметим, что и в области откровенно порнографической литературы Пушкин предпочитал французские образцы и высоко ставил выдающегося представителя этой литературы Алексиса Пирона. «Ниرون — по словам Пушкина — хорош только в таких стихах, в которых не возможно намекнуть, не оскорбляя благопристойность». Пирон в известном смысле стоит Баркова.

Но, отвергнув решительно Баркова, Пушкин остался при Вольтере и «Девственнице». ¹ Быть может, выпады против монахов и попов инспирированы борьбой Вольтера с церковью и ее служителями. Правда, выступление против монашества не ставилось главной задачей «Монаха».

...Ипра, стой! Далеко занесло
Уже меня противу рясок рвение:
Бесить попов не наше ремесло. ²

Тут же Ефремов добавляет: «кто же, однако, наговорил таких подробностей, какие были приведены им при напечатании отрывков «Тени Баркова?» Очевидно у Ефремова оставалась какая-то доза сомнения в отрицании авторства Пушкина. А Гаевский в своем экземпляре статьи «Пушкин в лидее», переплетенном с приложенными страницами и находящемся ныне в моем распоряжении, записал: «По удостоверению П. А. Ефремова «Тень Баркова» не Пушкина». Таким образом он только констатировал мнение Ефремова, но не высказал своего отношения к нему. Опубликование «Монаха» дает повод к постановке и разработке вопроса об авторе «Тени Баркова». Постановку вопроса дал Н. О. Лернер в заметке «Неизвестная баллада А. С. Пушкина «Тень Баркова» («Огонек» № 5, 3 февраля 1929 г.). Он категорически высказывается за авторство Пушкина. Разработкой вопроса занят М. А. Цявловский, в руках которого находятся несколько списков полной редакции. Лернеру известен только неполный список (из Пушкинского Дома). Гаевский привел в своей статье только отрывки, — целиком же текст не мог быть опубликован. Отсутствие в печати полного текста затрудняет работу исследователей, и надо пожелать, чтобы текст был опубликован хотя бы на иврах рукописи, хотя бы в самом ограниченном числе экземпляров.

¹ Данные о влиянии «Девственницы» на творчество Пушкина собраны в статье С. Мокульского (предисловие к русскому переводу «Орлеанской девственницы», изд-во «Всемирная Литература» 1924, т. I, стр. XXXVIII—XLII) и в статье Б. В. Томашевского.

² Уместно напомнить здесь и стихи из «Городка», писанного в 1814 году.

Но, боже, виноват!
Я каюсь пред тобою;
Служителей твоих,
Попов я городских
Боюсь, боюсь беседы,
И свадебны обеды
Затем лишь не терплю,
Что сельских переев,
Как папа иудеев,
Я вовсе не люблю...

Приемы построения поэмы подсказаны «Девственницей» — деление на песни с подзаголовками, дающими содержание, отступления от основной темы в сторону лирических излишней, полемические выпады, авторские признания и размышления, иронический тон. Но источников литературных мотивов «Монаха» надо искать не только у Вольтера, а и у других французских авторов. Б. В. Томашевский наметил в своей работе общие линии литературной традиции, в которой развивался замысел «Монаха», и подобрал значительный материал для сближений, но подлинный источник эпизодов «Монаха» остается неизвестным, хотя, по уверенному утверждению Б. В. Томашевского, мотивы этих эпизодов являются традиционными во французской литературе. По мнению исследователя, точно указать все источники «Монаха» можно лишь после углубленного и длительного обследования литературы, известной Пушкину-лицеисту. Пусть так, но и теперь изучение схожих мест дает повод к заключению о замечательной для подростка-автора самостоятельности в распоряжении материалом, на него влиявшим. Он сам заявляет, что стремится к известной самостоятельности и только подражателем он себя не хотел бы считать.

Такую же самостоятельность он обнаруживает в отношении к иным источникам, о которых сейчас пойдет речь. И здесь пока не можем указать непосредственных источников мотивов Пушкина. Он выбирает свой сюжет, черпает подробности из окружающей его действительности, сражается с отсталыми и бездарными представителями российской словесности...

4

От иностранных источников «Монаха» перейдем к русским. Для суждения о самостоятельности Пушкина в выборе сюжета «Монаха» привлечем материал житийной литературы. Происхождение сюжета «Монаха» вскрывается легко: это обработка сказания, взятого из русской житийной литературы, именно из жития архиепископа Новгородского Иоанна.¹

Житие Иоанна Новгородского написано в самом конце XV в. Неизвестный автор, создавший житие, в свое время смущался чрезмерной легендарностью сюжета, сам «неверием одержим был». ² Источники «жития» восходят к переводным легендам византийской письменности. Житие получило широкое распространение; оно известно во многих рукописях, вошло

---

¹ Это указание сделано в незаконченной работе П. Садикова и А. Суздалева о «Монахе», рукопись которой находится в ред.-изд. отделе Централхива.

² В. О. Ключевский. Древне-русские жития как исторический источник. М. 1871, стр. 162—163.

в пролог и Четьи Минеи.¹ Привожу краткое содержание той части жития, которую можно сближать с «Монахом». Беру его из пролога. Архиепископ Иоанн отличался благочестивой жизнью. Дьявол хотел его погубить, но был им побежден. Начал дьявол трепетать в рукомойнике, святой же закрестил умывальный крестом. Дьявол человеческим голосом запросил отпустить его: сила креста палила его, и он не мог дольше терпеть. И приказал святой дьяволу отнестись его в Иерусалим. Верхом на бесе съездил в Иерусалим, поклонился гробу Христову и в ту же ночь вернулся и освободил беса от запрета. Бес наказал святому молчать о ночном путешествии, но Иоанн не посчитался с наказом беса, рассказал кое-кому об этом. Дьявол решил отомстить святому и обличить его в блуде. Приходили многие из первых лиц города к Иоанну за благословением, и вот дьявол много раз показывал посетителям то сапоги женские, то мантию и многое другое. Посетители сильно смущались. А раз дьявол преобразился в деву, пошел впереди посетителей, а затем забежал за келью святого и стал невидим. Новгородцы пришли в негодование и пустили плот со святым вниз по Волхову. А плот чудом божьим пошел вверх по реке, и новгородцы поняли, что святой стал жертвой бесовского искушения.²

Это «Житие Иоанна» из книжного памятника стало «народным» (в условном смысле термина), вернее крестьянским, изустным. Порождением «Жития» являются многочисленные легенды. Приводим одну из таких легенд, записанную в середине прошлого века в Пермской губернии и напечатанную А. Н. Афанасьевым:³

«Какой-то архимандрит встал к заутрене; пришел умыться, видит в рукомойнике нечистый дух, взял его да и заградил крестом. Вот дьявол и взмолился: «выпусти, отче! какую хошь налож службу — сослужу». Архимандрит говорит: «своишь ли меня между обедней и заутреней в Иерусалим?» — «Свожу, отче, свожу!» Архимандрит его выпустил и после заутрени до обедни успел съездить в Иерусалим, к обедне поспеет обратно. После забрали как-то справки, — все удивились, как он скоро мог съездить в Иерусалим, спросили его, и он рассказал это».

¹ См. работу Н. Н. Дурново: Легенда о заключенном бесе в византийской и старинной русской литературе. Древность. Труды славянской комиссии Имп. Моск. арх. общ., т. IV. М. 1907, стр. 54—132, 319—326.

² Пролог, под 7 сентября. По изданию Синодальной типографии. См. также Великие Минеи Четьи митрополита Макария, изд. Археологической комиссии под 7 сентября. Легенда об Иоанне Новгородском напечатана Н. И. Костомаровым в «Памятниках старинной русской литературы», т. I, стр. 245—250.

³ А. Н. Афанасьев. Народные русские легенды, Казань, изд-во «Молодые силы», 1914, стр. 135.

Нельзя отрицать точек соприкосновения между житием и поэмой Пушкина: и в житии, и в поэме Пушкина предметами искушения являются части женской одежды, и здесь и там способ поимки беса схож — освященной водой, и наконец — это главное — и Иоанн и Панкратий, герой поэмы, совершают путешествие в Иерусалим на беса. Но все же, осторожности ради, не следует поддерживать утверждения о заимствовании Пушкиным сюжета непосредственно ни из жития Иоанна, ни из крестьянского ее пересказа.

В самом деле непосредственным источником сюжета «Монаха» нельзя признать ни жития, ни легенды. Можно говорить о заимствовании отдельных мотивов. Стоит рассмотреть, как использовал Пушкин мотивы жития и легенды. Их три: 1) искушение монаха, 2) заклятие дьявола и 3) поездка на чорте.

По первому мотиву: части женской одежды в «Житии» выполняют не ту роль, что в поэме Пушкина. В «Житии» дьявол показывает их посторонним и соблазняет их на дурное мнение о монахе. У Пушкина дьявол показывает их монаху и соблазняет его. Эта разность не позволяет считать этот житийный мотив прототипом. В литературе апокрифических житий можно указать примеры «искушения», гораздо ближе стоящих к «Монаху». Так в повести о Макарии римском рассказывается об искушении пустычника. Макарий вышел однажды посидеть пред входом своей пещеры. И вот он видит брошенное кем-то женское платье. Пустыжник недоумевал, откуда оно; однако взял его и унес в пещеру, набожно сказав: «Господи, что ся деет в пустыни сей?» На следующий день он нашел другую вещь из женского туалета и также поднял и унес в пещеру, но после этого не мог всю ночь заснуть «от разжения беззакония»; вышедши из пещеры погулять на третий день, он увидел женщину, — и т. д.¹

По второму мотиву: приобретение власти над бесом путем заклятия — распространеннейший мотив в житийной, легендарной и сказочной литературе. В житии Иоанн Новгородский закрестил беса в рукомойнике; также и в других житиях (Авраамия Ростовского, Авел Логина) подвижники кладут крестом заклятие на демона в чаше с водой. Но в «Монахе» такого заклятия нет, есть только вольное подражание ему. Монах Пушкина не кладет креста, а заговаривает воду в кувшине («наполнил свой кувшин, забормотал над ним слова молитвы») и, обливая демона освященной заговором водой, овладевает бесом. Общая черта в заклинаниях житий и поэмы — вода, но одной воды мало, чтобы считать изображение заговора заимствованным из жития.

¹ У Н. С. Тихонравова в «Памятниках отреченной русской литературы», т. II, стр. 73 и сл. Ф. А. Рязановский «Демонология в древнерусской литературе». М. 1916, стр. 81.

По третьему мотиву: путешествие на бесе, обратившемся в коня. Н. Н. Дурново, занимавшийся изучением темы о заключенном бесе и попутно касавшийся жития Иоанна Новгородского, относительно этого эпизода говорит: «К путешествию на бесе, обратившемся в коня, в легенде об Иоанне Новгородском я знаю пока только западные параллели, но в последних, по большей части, такой адский конь везет человека против его воли и не туда, куда хотелось бы седоку. Впрочем, у Цезаря Гейстербахского (*Dialogus miraculorum*) есть рассказ о бесе, перенесшем по воздуху в Иерусалим в одну минуту рыдара Эбенгарда. Путешествие в Иерусалим в одну ночь напоминает повесть Луга Духовного и Сводного Патерика об авве Георгии Синайском, причастившемся св. тайн в Иерусалимском храме Воскресенья в первый день Пасхи и вернувшимся на Синай в тот же день до окончания литургии». Мотив путешествия на чорте один из распространеннейших в легендарной и сказочной литературе, и нельзя с решительностью утверждать, что Пушкин заимствовал его именно из жития Иоанна. Он мог взять его и из французских источников — популярных книг «демонического» характера, каких было много во Франции в 18 веке, в роде «*Dictionnaire infernal*» или всяких «*Choix d'anecdotes sur les démons*» и т. д. Во всяком случае, и по отношению к предполагаемым русским источникам «Монаха» бросается в глаза самостоятельность изобретения, замечательная для 13 — 14-летнего поэта.

5

Помимо сюжета в «Монахе» имеются еще кое-какие русизмы. Монастырь, в котором спасался монах, находится под Москвой — «не в далеке от тех прекрасных мест, где дерзостный восстал Иван Великий, на голове златой носящий крест»; монах молится «Николе пред иконой»; юбка сравнивается с белым снегом, выпавшим на каменистый берег Москвы-реки. Потом подробности царскосельские — Мария Антоновна Нарышкина, князь Д. П. Горчаков, поэт-сатирик, великосветские утехы, описанные в 3-ей песне «Монаха». (В 1815 году Пушкин собирался написать «Картину Царского Села» и там описать «жителей Царского Села».) Наконец, и в «Монахе» Пушкин не обошелся без Боброва: чтением его стихов бес усыпил монаха. Насмешливо помянут и Шаховской: в доме у него «потеют».

Особое место в ряду источников «Монаха» занимают картины. Ни в каком другом произведении Пушкин не упоминает сразу столько имен живописцев — Рафаэль, Корреджио, Тициан, Альбани, Верне, Пуссен, Рубенс. Во второй песне сновидение монаха, в третьей — воображаемый пейзаж представляются списанными с картин, которые были перед глазами молодого

Пушкина. О совпадении настроенности поэта и живописца можно судить по пейзажу, нарисованному Пушкиным:

Иль краски-б взял Вернета иль Пуссина;
Волной реки струилась бы холстина,
На небосклон палящих южных стран
Возведши ночь с задумчивой луною,
Представил бы над серою скалою,
Вкруг коей бьет шумящий океан,
Высокие, покрыты мохом стены;
И там в волнах, где дышет ветерок,
На серебре вкруг скал блестящей пены
Зефирами колеблемый челнок
Нарисовал бы в нем я Кантемиру
Ее красы . . . . .

Мы уже приводили выше стихи, в которых Пушкин изображает, как он нарисовал бы портрет Наташи:

Трудиться б стал я жаркой головою
Как Цидван иль пламенный Албан:
Представил бы все прелести Наташи,
На полну грудь спустил бы прядь волос,
Вкруг головы венки душистых роз,
Вкруг милых ног одежду резвой Тальи,
Стан охватил Киприды б пояс злат . . .

Вспоминается обращение Пушкина в 1815 году «К живописцу»:

Вкруг тонкого Гебен стана
Венерин пояс поважи;
Сокрытой прелестью Альбана
Мою дариду окружи.
Прозрачны волны покрывала
Накинь на трепетную грудь:

Не приходится отрицать литературных влияний в послании «К живописцу», но чувствуется и реальный источник портретов, нарисованных Пушкиным: — портрет живописный. Вопрос о влиянии произведений живописи на творчество Пушкина рассмотрен в статье А. Эфроса «Пушкин и пластические искусства». ¹

6

Поэма «Монах», три песни ее, по крайней мере, нам теперь известны. Позволительно поставить вопрос: 1) такая ли это плохая и такая ли это скабрзная поэма? и 2) имело ли хоть какую-нибудь реальную почву эстетическое и моральное возмущение князя Горчакова? На первый вопрос можно ответить только категорическим отрицанием: в ряду других лицейских произведений поэма займет не последнее место по формальным

¹ Горчаковский архив. Изд. Центрархива.

достижениям — надо не забывать, что она принадлежит перу 13—14-летнего мальчика. А если говорить о скабрёзности, то здесь ее меньше, чем во многих других известных произведениях Пушкина этого периода. Ясен по этим же соображениям ответ и на второй вопрос. Когда семидесятидвухлетний Горчаков облыжно заявил, что он уничтожил «Монаха» и устранил темное пятно на творчестве Пушкина, он, конечно, имел в виду сказать, что он сделал это давно, сейчас же по созданию поэмы, в лета далекой, розовой юности. Но если старику-кандлеру, может быть, и было к лицу придничество и лицемерное ханжество, то 15-16-летний лицеист вовсе не чужд был лидейскому эротизму, который таким ключом бил в Пушкине. Можно думать, что именно эротические увлечения объединяли этих в сущности чужих друг другу людей — Пушкина и Горчакова. В архиве Горчакова оказались нарядные автографы и «Монаха», и «Послания к Наталье», и стихотворения «К молодой вдове». Горчаков был миловиден в своей юности, по словам Пушкина; ему была дана нежная краса, по словам Пушкина Пушкин советовал Горчакову:

Они прошли, твои златые годы,
Огня любви прелестная пора.
Спеши любить — и, счастливый вчера,
Сегодня вновь будь счастлив осторожно;
Амур ведит, — и завтра, если можно,
Вновь миртами красавицу венчай...

И даже кончина Горчакова рисовалась Пушкину в освещении эротическом. Он желал ему, чтоб в страстном упоении и, с томной сладостью в очах,

Из рук молодого Купидона
Вступая в мрачный чели Харона,
Уснул... Ершовой на грудях.

Пушкин точно предсказал сердечную жизнь Горчакова. Женюлюбие его отмечают многие его современники. «Прекрасный под у князя Горчакова играл вообще большую роль» — вспоминал барон А. Е. Врангель. «Прозорливый взгляд Горчакова привык угадывать женскую прелесть и все ее значение» — писал князь Вяземский. Если бы перед нами и не лежали три песни «Монаха», все-таки мы не могли бы, не должны бы поверить тому, что юноша-лицеист с такими замашками мог уничтожить «Монаха» за эротизм. Нет, Горчаков хранил и сохранил не совсем нравственные стихотворения своего лицейского товарища и в старости лет лелеял свои лицейские воспоминания, декламируя послание с упоминанием о грудях Ершовой.

Вот тут Пушкин ошибся с пожеланием о роде смерти, приличествующем ветренному любовнику и другу измены. Он умер на 84-м году жизни, через 46 лет после смерти Пушкина. Он оказался тем последним из круга лицеистов первого выпуска,

пережившим всех своих товарищей, о котором Пушкин в 1825 г. писал:

Кому из нас под старость день лица
Торжествовать придется одному?
Несчастный друг! Средь новых поколений
Докучный гость, и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...

Вспоминал, но без особой скорби, ибо был самодоволен; пусть, наполненный самомнением, хвастался своим влиянием на Пушкина. Можно простить смешное и наивное хвастовство за то, что не уничтожил «дурной и скабрешной» поэмы.